

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ

УДК 276

Климент (Г. М. Капалин),
митрополит Калужский и Боровский
кандидат богословия,
доктор исторических наук

Metropolitan of Kaluga and Borovsky
Clement (G. M. Kapalin),
Candidate of Theology,
Doctor of Historical Sciences

**О ПЯТОМ ТОМЕ «ЛЕТОПИСИ ЖИЗНИ И ТВОРЕНИЙ
СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА, ЗАТВОРНИКА ВЫШЕНСКОГО»**

**ABOUT THE FIFTH VOLUME OF THE CHRONICLE OF
THE LIFE AND WORKS OF ST. THEOPHAN, THE RECLUSE
OF VYSHENSKY**

Аннотация. Пятый том «Летописи» освящает десятилетний период (1879–1888) из почти двадцати восьми лет, проведенных святителем Феофаном в Вышенской пустыни, а с 1873 года — в полном затворе. Как и в предыдущий IV том, сюда включены главным образом материалы частной переписки, дополненные мемуарами и другими документами, содержащими сведения о жизни святителя, а также представлена полная библиография его литературно-духовных творений за указанные годы.

Abstract. The fifth volume of the Chronicle consecrates a ten — year period (1879–1888) of almost twenty-eight years spent by St. Theophan in the Vyshenskaya Pystin, and since 1873 — in complete seclusion. As in the previous volume IV, it includes mainly materials

of private correspondence, supplemented by memoirs and other documents containing information about the life of the Saint, as well as a complete bibliography of his literary and spiritual creations for these years.

Ключевые слова: святитель Феофан Затворник, Вышенская пустынь, летопись.

Key words: St. Theophan the Recluse, Vyshenskaya Pystin, Chronicle.

Основными источниками настоящего тома послужили периодические издания, публиковавшие письма святителя Феофана и воспоминания о нем и его окружении. Вошли в него и новые, впервые публикуемые материалы, выявленные в отечественных и зарубежных архивах, например, обширная переписка с издателями из архива Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА), а также массив корреспонденции, адресованной семейству Бурачок из отдела рукописей института Мировой литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН).

Метод летописного изложения материала позволяет уточнить представление о значимых для святителя событиях и общем течении его жизни, атрибутировать его корреспондентов этого периода. Внутренний подвиг святителя остается сокровенным, однако читателю пятого тома «Летописи» открывается немало сведений о распорядке его жизни и деятельности и состоянии его здоровья. Для более полного представления об окружении святителя и обстоятельствах, в которых он пребывал, в «Летописи» помещены, например, архивные «Ведомости о настоятеле и монашествующих Шацкой Успенской Вышенской общежительной мужской пустыни Тамбовской епархии за 1888 год». Особую ценность этому документу придают из-

вестия о насельниках обители и о состоянии архитектурного ее ансамбля, относящиеся ко времени жизни святителя.

На страницах пятого тома «Летописи» с новыми подробностями представлены литературно-издательская, миссионерская и душепопечительская деятельность святителя Феофана. Публикуемая впервые переписка с издательством Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря позволяет воссоздать творческую историю и путь к читателю русского перевода «Добротолубия», толкований посланий апостола Павла и 118 псалма, написание «Евангельской истории», полемических и многих других его произведений. Также читатель может узнать о его богословских предпочтениях¹ и методах толкования². Как и в предшествующих томах, в конце каждого года помещена полная библиография опубликованных произведений святителя.

Помимо издательства Русского монастыря на Афоне Вышенский Затворник сотрудничал со многими другими издателями. Письма к ним в совокупности позволяют изучить подходы святителя к публикации своих трудов. Как автор он предъявлял высокие требования к корректуре, внимательно следил за ее качеством, читая гранки и первые экземпляры отпечатанных в типографии книг. Это ясно видно из письма, где речь идет о книге, права на издание которой он передал Свято-Пантелеимонову монастырю: «Я... уступаю издавать, а не исказать. Чтобы авва Исаия поступил в продажу в искаженном виде, я не изъявляю согласия и предлагаю Вам прекратить продажу, и, если Вы отправили книги в книжные лавки для продажи, поспешите уведомить книгопродавцев, чтоб они остановили

¹ «Переводится Диадох. Какой он распрелестный, владыка святыи!» (Письмо еп. Феофана к неустановленному протоиерею от 25 марта 1886 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1897. № 11. [13, с. 257–258]).

² «Нередко приходится употреблять перифраз вместо перевода дословного...» (Письмо еп. Феофана к В. В. Швидковской от 23 ноября 1886 г. // Санкт-Петербургские духовные ведомости. 1898. № 16. С. 303; Собрание писем. Вып. VI. [5, с. 142–143]).

продажу сих книг по причине некоторых в них поправок, которые скоро будут исполнены» [23, л. 452].

Так же требовательно святитель относился к подбору корректоров и переписчиков, готовивших рукопись к изданию. Просьбы о поиске подходящей кандидатуры порой не были лишены свойственного ему юмора. Так, протоиерею Василию Нечаеву об издании Евангельской истории [2] он пишет: «Подыщите, пожалуйста, корректора — папу. — И растолкуйте ему, что грех, если он хоть одну ошибку допустит, ибо в истории все священный текст» [30, с. 122–123]. Помимо морального стимула святитель предлагал использовать и материальную заинтересованность, заключая с корректорами письменное соглашение с условием: «если, например, в листе будет опечаток более одной или двух... то за тот лист не платить» [5, л. 450–453].

Желая, чтобы выбранные им принципы соблюдались, применялись и при дальнейшем издании его трудов, святитель Феофан приобщал к издательскому делу своего любимого племянника. «Пришла черед вступить тебе в чин издателя» [25, с. 179–180], — обращался он к Алексею Говорову, а впоследствии упоминал об издании книг как общем с ним деле: «Книгопродавец духовных книг Горбунов просит выслать ему по 15 экзempl. наших с тобой изданий» [28, с. 196–197]. Епископ Феофан учил племянника выполнять корректуру, советовал, с какими издателями сотрудничать, как вести с ними дела, как употреблять полученные от продаж книг деньги и проч. «Мы с тобою должны всегда оставаться хозяевами. И владельцами» [33, л. 186–189], — написал племяннику о своих произведениях Вышенский Затворник. В итоге он передал А. Говорову полное право на свои произведения, подчеркивая при этом: «Главное дело в том, чтобы я, ты и кто после тебя были собственниками книг» [1, с. 65].

Святитель Феофан не только стал самым плодовитым духовным писателем своего времени, но и помогал другим авторам советами, необходимыми книгами, редактурой, а порой даже

изданием их текстов за свой счет. «Прочитав те статьи снова, возвращу их Вам, и денег пришлю 300 руб. Печатайте. Кто-нибудь из кавалеров пусть держит редакцию и корректуру» [17, л. 92–95 об].

Важной сферой деятельности Вышенского Затворника, подробно представленной в данном томе «Летописи», были миссионерские его труды. Прежде, в бытность преподавателем и администратором духовных школ, а затем епархиальным архиереем, он прилагал немало усилий для обличения старообрядческих и сектантских заблуждений. Но и оставив архиерейскую кафедру, епископ Феофан не мог безучастно наблюдать распространение в России лжеучений. В письмах из Выши он много писал на эту тему, разъясняя своим адресатам особенности той или иной секты, давал практические советы: каким образом беседовать с ее адептами³, к кому из высшего духовенства необходимо обратиться для пресечения душевередной проповеди административными мерами⁴. Так, сообщая о собраниях пашковцев в столице, он поручал Н. В. Елагину: «Потрудитесь доложить о сем Владыке... скажите только, что это сведение петербургского происхождения от очевидца достоверного. ...Извольте все сие выполнить во имя Господа. Но обо мне ни гу-гу» [27, с. 123–125].

Видя, что мало кто пишет против ложных мудрований, он не только сам брался за перо, но нередко и своих корреспондентов понуждал защищать православное вероучение [20, с. 24–25]. Святителя беспокоили давно знакомые ему по архиерейскому служению уклонения в ереси и сектантство. «Около нас молоканство» [10, л. 814–815; с. 644], — сообщал он в одном из писем — достоверных сведений из периодических изданий и устных сообщений своих единомышленников. Узнав, например, что в Санкт-Петербурге набирает популярность

³ См., например, письмо еп. Феофана к прот. А. З. Крутикову от 2 июля 1879 г. [17].

⁴ См. письмо еп. Феофана к Н. В. Елагину от 28 мая 1879 г. [10].

протестантское учение, он просил проживавших там Бурачков выяснить, чему учит главный его проповедник⁵. Когда в начале 1880-х со своей проповедью выступил граф Л. Н. Толстой, святитель также стремился детально узнать его учение: «Передайте мою усердную просьбу, чтобы он достал и прислал этого же Толстого критику, или обследование догматов церкви» [3, с. 177; с. 133–134]. Поясняя, зачем ему нужны высказывания лжеучителей, он указывал, что успешное обличение уклонений от православия требует от миссионеров «писать, кладя в основу слова еретика, будет прямо в глаз» [12, с. 407; с. 128–129].

Помимо обличения сектантства святитель Феофан искал причины увлечения им своих современников. «Заведите нарочно речь... и все выпытайте, чего ради они отстают от Церкви» [7, с. 178–179; с. 135–136], — не раз обращался он за помощью к своим корреспондентам. В результате, не покидая обители, он был хорошо осведомлен о том, что привлекало людей в различные секты и уводило от пути спасения.

Одной из причин охлаждения православных к церковной жизни, по мнению епископа-аскета, было непонимание многими верующими и даже священнослужителями глубокого смысла богослужебных текстов Православной Церкви. Решение этой проблемы святитель видел в улучшении их перевода, о чем он неоднократно упоминал в переписке. «Богослужебные книги надо вновь перевести, чтоб все было понятно» [29, с. 158–160], — предлагал он в письме к Н. В. Елагину. При

⁵ «У меня есть покорнейшая просьба к Евгению Степановичу, или Павлу Степановичу, или к обоим. <...> Есть там какой-то Пашков — ученик Редстока и распространитель его ереси. Берет на него лютость, но пронять его нечем, потому что не знаю его суетудрия. <...> Вот мне и пришло на мысль попросить кого-либо из кавалеров, а то и обоих, чтобы разведали. Сделать это удобно — в доме Пашкова, кажется, в воскресенье вечером бывают так называемые чтения, где он, читая Евангелие или еще что, разглагольствует в духе своего мудрования» (Письмо еп. Феофана к О. С. Бурачок от 3 марта 1880 г.) [15, л. 40–41 об.].

этом подвижник неоднократно подчеркивал, что этот перевод должен быть сделан «не на русский, а на славянский язык» [4, с. 144]. Святитель горячо желал сделать доступными для восприятия «наши богослужебные книги — неоцененное сокровище молитв, догматствования православного и нравоучения» [22, л. 1–2 об.]. Издание перевода он предлагал приурочить к празднованию 900-летия Крещения Руси, которое отмечалось в 1888 году.

В пятом томе «Летописи» имеется много материала, в котором святитель Феофан касается состояния своего здоровья, особенно в связи с ухудшением зрения, из-за чего ему, начиная с 1879 года, пришлось несколько раз отлучаться из монастыря. Первую поездку он предпринял в марте 1879 года для совета с тамбовскими врачами, поскольку «глаз правый стал слепнуть, и надо было удостовериться, от чего» [21, л. 1–2 об.; с. 54–55]. В результате осмотра была выявлена катаракта, не требующая срочного лечения. Помимо докторов святитель посетил семинарию, встретился с тамбовским архиереем и духовно близкими ему людьми.

Для повторной консультации святитель отправился в Москву. Накануне этой поездки он хлопотал о возможности остановиться на афонском подворье в Москве, желая сохранить строгость монастырского уединения и стараясь никого не обременять. «Скажите мне, можно ли у вас найти приют на какой-либо день-другой, чтобы только переговорить с докторами?» [24, л. 65–69; с. 420–421] — писал он иеромонаху Арсению (Минину). Насколько важным для подвижника было сохранение внутреннего мира и сосредоточенности, следует из его просьбы племяннику Алексею Говорову не разглашать весть о его приезде: «По состоянию моего глаза, кажется, мне придется сбегать в Москву. Но я буду там *incognito*... так, чтобы никто не знал. Не говори и ты никому» [26, с. 186]. Находясь в Москве с 16 по 18 августа 1879 года, епископ Феофан был на консультации у доктора, посетил московские святыни, встретился со своим одноклассником по Киевской духовной

академии митрополитом Московским Макарием (Булгаковым), а также с племянником Алексеем Говоровым.

Московский врач признал, что у святителя «катаракта, не допускающая ни лечения, ни операции и долженствующая кончиться потерей зрения глазом» [19, с. 430–431]. Постепенно эта тема в его письмах утрачивает первоначальную напряженность, но появляются тревожные сообщения о наступающей слепоте: «Правый глаз мой совсем отказался служить и уже ничего не разбирает. А левый служит верно и нелицемерно» [16, л. 52–53 об.].

Более двух лет спустя святитель вновь посетил Тамбов уже для проверки второго глаза, который «начал мутиться» [13, с. 553–554; с. 154–156]. Ему вновь предложили операцию без гарантии удачного исхода. На страницах «Летописи» прослеживается внутренняя борьба: «Страшит операция, страшит и слепота... Если б можно было полагаться на чувства, то надо бы отказаться от операции, потому что чувства против нее. И не слегка, а сильно. Буди воля Божия». В 1888 году эта тема вновь возникает в переписке святителя. Однако на этот раз даже появление действенного обезболивающего не заставило его выехать из Выши. «Питаю надежду, что он прослужит... — пишет епископ Феофан о своем зрячем глазе, — пока не закроется навеки, и что потому нечего думать об операциях и ужасах их» [9, л. 11–12 об.].

Состояние зрения упоминается на протяжении всего тома. По письмам мы видим, что с каждым годом зрение подвижника ухудшалось, его правый глаз совсем перестал видеть, а левый продолжал служить ему, хоть иногда и тревожил. Святитель Феофан не оставлял попытки излечиться, обращаясь помимо традиционной медицины к различным методам поддержки зрения. Есть свидетельства, что он молился о даровании ему возможности продолжать свои труды. Также он прибегал за молитвенной помощью к своему окружению, о чем есть письменные свидетельства. «Породилось у меня желание

попросить о. Ивана⁶ молить Господа остановить помрачение моего второго глаза»⁷, — сообщает епископ Феофан в одном из писем к О. С. Бурачок. «Если Вы вымолите мне глаз, то это можно сделать» [31, л. 450–453], — пишет святитель о работе над Добротолюбием архимандриту Макарию (Сушкину) на Афон.

Для святителя, всю жизнь посвятившего писательской деятельности, утрата зрения положила бы предел его литературным трудам, включая переводы святоотеческих писаний, и духовному окормлению тысяч своих корреспондентов. Он шуточно говорил о наступлении окончательной слепоты как о времени, «когда наконец буду жить на покое» [8, л. 7–8 об.].

Материалами, сообщающими о десятом годе трудов святителя Феофана на Выше, завершается пятый том «Летописи». Это его нижняя хронологическая граница.

Надеюсь, что опубликованные в нем письма святителя и сведения о его жизни и творчестве станут базой для подробного изучения биографии и духовного облика Вышенского Затворника, будут поучительным и вдохновляющим чтением для современных его учеников, позволят узнать много нового о святителе Феофане и его эпохе широкому кругу читателей.

⁶ Прав. Иоанн Кронштадтский.

⁷ Письмо от 25 января 1887 г. [31, л. 38–39]. Далее в этом письме свт. Феофан сообщал: «К о. Ивану давно собирался обратиться, да все: авось-небось! Наш теперешний преосвященный Тамбовский Виталий, многое насказал мне о старце Ионе, настоятеле Троицкого в Киеве монастыря... И я просил его полечить меня молитвенно. Он не отказал и молится. Я думаю, что если и о. Иоанн приложит свою молитву... то они не помешают одна другой, а пойдут по одной дороге и к одному Престолу Милосердного Господа».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания о преосвященном Феофане Затворнике близкого родственника А. Г. Говорова // Душеполезное чтение. 1894. Ч. 2. С. 65.

2. Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложения словами святых евангелистов. М., 1885. 242 с.

3. Письмо еп. Феофана к А. А. Шишковой от апреля 1884 г. // Душеполезное чтение. 1896. Ч. 1. С. 177; Собрание писем. Вып. II. С. 133–134.

4. Письмо еп. Феофана к А. А. Шишковой от 1887 г. // Собрание писем. Вып. II. С. 144.

5. Письмо еп. Феофана к архим. Макарию (Сушкину) от 11 января 1887 г. // АРПМА. Оп. 24. Д. 41. Ед. хр. 4327. Л. 450–453.

6. Письмо еп. Феофана к В. В. Швидковской от 23 ноября 1886 г. // Санкт-Петербургские духовные ведомости. 1898. № 16. С. 303; Собрание писем. Вып. VI. С. 142–143).

7. Письмо еп. Феофана к Л. Н. Шишкову от 1884 г. // Душеполезное чтение. 1896. Ч. 1. С. 178–179; Собрание писем. Вып. II. С. 135–136.

8. Письмо еп. Феофана к Леонтию (Лебединскому), архиепископу Холмскому и Варшавскому, от 8 января 1886 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 7–8 об.

9. Письмо еп. Феофана к Леонтию (Лебединскому), архиепископу Холмскому и Варшавскому, от 2 ноября 1888 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Ед. хр. 612. Л. 11–12 об.

10. Письмо еп. Феофана к монаху Владиславу (Попову) от 19 марта 1887 г. // АРПМА. Оп. 24. Д. 41. Ед. хр. 4327. Л. 813–814; Душеполезное чтение. 1899. Ч. 2. С. 644.

11. Письмо еп. Феофана к Н. В. Елагину от 28 мая 1879 г.

12. Письмо еп. Феофана к Н. В. Елагину от 20 марта 1880 г. // Санкт-Петербургские духовные ведомости. 1899. № 35. С. 407; Собрание писем. Вып. VII. С. 128–129.

13. Письмо еп. Феофана к Н. В. Елагину от 13 января 1882 г. // Санкт-Петербургские духовные ведомости. 1899. № 47. С. 553–554; Собрание писем. Вып. VII. С. 154–156.

14. Письмо еп. Феофана к неустановленному протоиерею от 25 марта 1886 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1897. № 11. С. 257–258.

15. Письмо еп. Феофана к О. С. Бурачок от 3 марта 1880 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 34. Ед. хр. 481. Л. 40–41 об.

16. Письмо еп. Феофана к О. С. Бурачок от 4 сентября 1880 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 34. Ед. хр. 481. Л. 52–53 об.

17. Письмо епископа Феофана к Ольге Степановне Бурачок от 14 февраля 1884 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 34. Ед. хр. 481. Л. 92–95 об.

18. Письмо еп. Феофана к прот. А. З. Крутикову от 2 июля 1879 г.

19. Письмо еп. Феофана к прот. И. Г. Переверзеву от 28 января 1880 г. // Христианин. 1910. № 2. С. 430–431.

20. Письмо еп. Феофана к прот. Н. И. Флоринскому от 9 октября 1883 г. // Собрание писем. Вып. II. С. 24–25.

21. Письмо еп. Феофана к С. А. Первухину от 24 апреля 1879 г. // ИР НБУ. Ф. 160. Ед. хр. 1992. Л. 1–2 об.; Корольков. С. 54–55.

22. Письмо еп. Феофана к С. А. Первухину от 1 октября 1884 г. // ИР НБУ. Ф. 160. Ед. хр. 1996. Л. 1–2 об.

23. Письмо еп. Феофана к схиером. Павлу (Дурневу) от 21 декабря 1883 г. // АРПМА. Фонд свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 41. Ед. хр. 4327. Л. 452.

24. Письмо от 15 апреля 1879 г. // АРПМА. Оп. 24. Д. 41. Ед. хр. 4327. Л. 65–69; ДЧ. 1894. Ч. 3. С. 420–421.

25. Письмо от 24 апреля 1879 г. // Душеполезное чтение. 1894. Ч. 2. С. 472; Собрание писем. Вып. I. С. 179–180.

26. Письмо от 4 августа 1879 г. // Душеполезное чтение. 1894. Ч. 2. С. 601; Собрание писем. Вып. I. С. 186.

27. Письмо от 7 января 1880 г. // Санкт-Петербургские духовные ведомости. 1899. № 34. С. 399; Собрание писем. Вып. VII. С. 123–125.

28. Письмо от 7 января 1880 г. // Собрание писем. Вып. I. С. 196–197.

29. Письмо от 18 апреля 1882 г. // Собрание писем. Вып. VII.

С. 158–160.

30. Письмо от 19 декабря 1884 г. // Душеполезное чтение. 1910. Ч. 3. С. 122–123.

31. Письмо от 11 января 1887 г. // АРПМА. Оп. 24. Д. 41. Ед. хр. 4327. Л. 450–453.

32. Письмо от 25 января 1887 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 34. Ед. хр. 482. Л. 38–39.

33. Письмо от 14 декабря 1887 г. // АРПМА. Оп. 24. Д. 41. Ед. хр. 4327. Л. 186–189.